

Силвия Петкова

К ВОПРОСУ О МЕТАРЕЧЕВОЙ ПРАГМАТИЧЕСКОЙ ИНФОРМАЦИИ

В процессе речевой деятельности, наряду с изложением пропозиционального содержания высказывания - семантической информации, осуществляется и передача прагматической информации. Посредством нее говорящий “встраивает” в содержательный план речи разнообразные по своему характеру и сфере действия прагматические значения.

Важным условием адекватного изучения прагматического содержания высказывания (текста) является разграничение двух типов эксплицитно выраженной прагматической информации: информации, относящейся к пропозициональному содержанию высказывания, и информации, касающейся самого процесса речи.

Для передачи информации первого типа говорящий использует маркеры пропозициональной установки. При помощи вставных конструкций, модальных слов и частиц он выражает разную степень уверенности в достоверности высказывания (*пожалуй, наверное, кажется, видимо, судя по всему, безусловно*), оценку пропозиционального содержания по параметру “ожиданность/неожиданность” (*даже, неужели, как ни странно*), а также оценку по параметру “положительный/негативный эффект” (*к счастью, слава богу, благо, к сожалению, как назло*). Стандартным способом введения пропозициональных установок являются также предикаты знания и мнения (*Я думаю/считаю/полагаю/догадываюсь, что...*), предикаты эмоционального отношения (*Я рад/сожалею/боюсь/недоволен, что...*), предикаты желания и воли (*Я хочу/желаю/намерен/решил...*). Средства передачи данного типа информации сравнительно хорошо изучены на материале русского языка [Яковлева 1988, Проблемы... 1989, Ментальные действия 1993].

Объектом анализа в настоящей работе является прагматическая информация второго типа, которую будем называть **метаречевой**. На ее существование впервые обратила внимание А. Вежбицка в своей статье “Метатекст в тексте” (на материале польского языка). Она заметила, что во многих текстах имеет место скрытое двухголосье, т.е. возникает “двутекст”, состоящий из собственно текста и метатекста, посредством которого говорящий комментирует тот или иной аспект собственно текста. “Высказывание о предмете, – отмечает А. Вежбицка, – может быть переплетено нитями высказываний о самом высказывании. В определенном смысле эти нити могут сшивать текст о предмете в тесно спаянное целое, высокой степени связности” [Вежбицка 1978, 404].

В качестве таких мета-организаторов автор анализирует как сегменты текста, в которых эксплицитно упоминается сам акт речи (*В этом разделе я буду говорить о...; Если речь идет о...; Сейчас я разберу...; Короче говоря...; Иначе говоря...; Приведу пример...; Пора сформулировать выводы...*), так и слова и выражения, чья внутренняя форма сама по себе не подсказывает принадлежности к языковым единицам, обслуживающим сферу речи (*Итак,...; Потом,...; Наконец,...; Что касается...; Кстати,...; Между прочим...; Во-первых,...; Во-вторых,...*). И в том, и в другом случае в центре внимания Вежбицкой оказываются прежде всего выражения, которые выполняют организационную, структурирующую функцию по отношению к тексту,

скрепляя отдельные его элементы. Однако, подводя итоги, Вежбицка подчеркивает, что “метатекстовые нити могут выполнять самые различные функции” [там же, 421].

Вопрос о неоднородном характере функций языковых единиц, относящихся к **мета-голосу** говорящего (термин Вежбицкой), на наш взгляд, не был в достаточной мере освещен в работах, исследующих данные единицы в русском языке. По этой причине представляется необходимым выявление более широкого спектра функций, которые способны выполнять русские метаречевые единицы.

Тезис о функциональном разнообразии речевых сегментов, передающих информацию о самой речи, находит косвенное подтверждение в терминологическом разнообразии, наблюдаемом при их обозначении в русской лингвистической литературе. Кроме предложенного Вежбицкой наименования **метатекстовые** элементы [Падучева 1991], употребляются также и термины **метаязыковые** [Гловинская 2001] и **метакоммуникативные** элементы [Почерпцов 1981].

На наш взгляд, название данного явления должно представлять его в наиболее генерализованном виде - как “речь о речи”. Вот почему мы отдаем предпочтение термину **метаречь** (ср. употребляемый в англоязычной литературе термин meta-talk [Schiffrin 1980]). По сравнению с определением **метатекст** этот термин имеет существенное преимущество: понятие **текст** связывается прежде всего с письменной формой языка, в то время как понятие **речь** является более широким – входя в состав фундаментальной понятийной оппозиции **язык – речь**, оно обозначает реальное функционирование языка как в письменной, так и в устной форме.

Проведенный нами анализ позволяет выявить три основных аспекта речи, которые комментируются мета-голосом говорящего.

Первый аспект – линейное строение текста (изучаемое так называемой грамматикой текста). Именно этот аспект речи является объектом комментария, осуществляемого посредством метатекстовых единиц в понимании Вежбицкой.

Здесь мы имеем дело со **структурирующим типом метаречевой информации**. Функцию метаречевых единиц, специализированных в передаче данного типа информации, назовем **метатекстовой функцией**.

Метатекстовые маркеры, обслуживающие сферу линейного строения текста, представляют собой своеобразные навигационные средства, при помощи которых говорящий (под этим термином будем понимать как автора устного, так и автора письменного текста) указывает адресату путь к правильному пониманию места и роли данного высказывания в композиции текста. Они также подсказывают, каким образом должно быть распределено внимание адресата, чтобы пропозициональная информация была усвоена оптимальным образом.

В рамках реализации метатекстовой функции языковых единиц можно выделить такие метаречевые действия говорящего, как:

1) упорядочивание изложения (*во-первых, во-вторых, прежде всего / в первую очередь следует упомянуть, что..., начнем с того, что..., ниже рассмотрим...*);

2) указание на логическую связь высказывания с предыдущими высказываниями (*следовательно, вот почему, стало быть, так что, выходит, значит*);

3) добавление информации (*кроме того, притом, к тому же, и потом, далее, мало того*);

4) инициирование высказывания на новую тему, ассоциативно связываемую с предыдущей темой (*между прочим, впрочем, кстати (говоря), к слову, в этой связи*);

5) акцентирование (*Следует отметить, что..., подчеркнем, что..., и, что важнее, главное*).

В собранном нами материале из научного дискурса привлекают к себе внимание метатекстовые конструкции, содержащие форму ментального перформатива:

Допустим, что..., Вспомним, что..., Выскажем гипотезу..., Слудует упомянуть также о..., Таким образом, мы проходим к выводу, что... Как известно, посредством перформативных введений говорящий называет и одновременно совершает речевое действие. Специфика ментальных перформативов состоит в том, что, в отличие от социальных перформативов типа *объявляю, поздравляю, клянусь*, обслуживающих сферу ритуального речевого поведения, они обслуживают сферу риторики теоретических рассуждений. Посредством них говорящий осуществляет референцию к текущему шагу рассуждения и тем самым актуализирует эту мыслительную операцию [Рябцева 1992, 64]. Интересно отметить особый риторический эффект, возникающий в результате метаречевых действий, реализуемых ментальными перформативными глаголами в форме 1-го л. мн.ч., – адресат сообщения не просто получает информацию об очередной ментальной операции, а как бы приобщается к ее совершению. Здесь мы имеем дело с прагматическим явлением инклюзии, которое особенно характерно для непринужденной диалогической речи (см. ниже).

Наряду со структурированием текста говорящий осуществляет и перестройку отдельных его частей путем автокоррекции, перифразирования, уточнения и экземплификации. Информация о таких трансформациях вносится в текст маркерами *то есть, вернее, точнее, иными словами, а именно и например*. В ходе своей речи говорящий часто производит и минимизацию сообщения при помощи высказываний, резюмирующих предшествующую информацию. К метатекстовым маркерам, сигнализирующим о такой трансформации, относятся: *короче (говоря), проще говоря, (одним) словом, в двух словах*.

Существует мнение, что метатекстовые единицы выполняют только строевую роль и их функция сводится единственно к обеспечению формальной связи между высказываниями согласно нормам синтаксиса текста. Поэтому в лингвистической литературе их часто называют коннекторами. Мы придерживаемся иной точки зрения, согласно которой устанавливаемая метатекстовыми единицами связь между компонентами текста имеет не только формально-грамматический и логико-семантический, но и прагматический характер. Посредством введения этих маркеров в текст говорящий не только осуществляет необходимый смысловой переход между отдельными частями текста, но и выражает свое видение места данного высказывания в дискурсе, указывает на его информационную значимость, дает оценку его роли в интерпретации содержания текста.

Второй аспект речи, который становится предметом комментария со стороны говорящего, – это организация диалогической коммуникации (речевой интеракции).

В данном случае мы имеем дело с **регулирующим типом метаречевой информации**. В ходе диалогического общения говорящий употребляет метаречевые маркеры, чью основную функцию можно определить как **метакоммуникативную**. С их помощью осуществляется поддержание и регулирование вербальной интеракции.

Особенно важное место в динамичном и многостороннем процессе диалогического общения занимает метакоммуникация, направленная на учет адресата. Наблюдения над русской диалогической речевой практикой обнаруживают, что реплики говорящего изобилуют метакоммуникативными включениями, обращенными к слушающему. Рассмотрим основные метаречевые действия, которые говорящий совершает, реализуя этот вид метакоммуникации.

Фокусирование внимания собеседника на последующем высказывании обеспечивается за счет употребления таких маркеров, как: *слушай(те), учти(те), имей(те) в виду*.

Маркер *слушай(те)* характеризуется высокой частотностью. Он предшествует, как правило, вопросительным или побудительным высказываниям, а также репликам

(состоящим из нескольких высказываний), в которых предлагается совершить какое-либо действие: Слушай, а отчего же умер твой дядя? Ведь он был здоров как бык; Слушай(те), а почему нам не позвонить в Министерство?; Тут ко мне Дима Сорокин приехал. Слушай, найди какую-нибудь должностишку для него! (ТВ передача “За кулисами”); Слушай, я достал билеты на концерт Петросяна. Он будет переодеваться в костюм груши. Пойдем, весело будет! (интервью с Е. Петросяном). При помощи данного маркера говорящий заостряет внимание адресата и в то же время стремится получить незамедлительную ответную реакцию.

Что касается маркеров учти(те) и имей(те) в виду, то они употребляются в качестве введения к речевому акту предупреждения или угрозы, свидетельствуя о намерении говорящего непременно довести его смысл до сознания слушающего: Учти, я такого отношения терпеть не буду; Имейте в виду, она не одна.

Некоторые метакоммуникативные маркеры призваны сократить дистанцию между коммуникантами, продемонстрировать желание говорящего откровенно поделиться мыслями и найти понимание. Например: Михаил Николаевич, знаете, у вас вид умудренного человека, постигшего некую тайну (интервью с М.Задорновым); Вы знаете, мне всегда было интересно общаться с детьми; Просто вы чувствуете, что с вами что-то не так? – Да-да, - обрадованно подхватил Герман. – Понимаете, я стал хуже работать (А.Маринина). Маркер видите ли употребляется в тех случаях, когда говорящий хочет пояснить предыдущее высказывание. Он содержит призыв к слушающему попытаться понять последующие объяснения. Например: Несколько дней пациент входит в режим, а потом уже решает, вписываются ли визиты родственников в этот режим. Видите ли, мой метод основан на том, что человек должен полностью погрузиться в то дело, которым он занимается, и ничто не должно его отвлекать (А. Маринина).

Метакоммуникативную функцию реализуют также и метаречевые включения, посредством которых говорящий ссылается на то, что собеседник разделяет его знание или мнение. Например: Но он, сами понимаете, уже постарался все спрятать; Ображище – сама знаешь - сажени три глубины. - Ужас, - побледнев, проговорила матушка (Л.Толстой); Согласитесь, я не могла пойти к ним с пустыми руками. Отметим, что призыв к согласию, содержащийся в последнем высказывании, не предполагает вербальной реакции со стороны собеседника, и поэтому говорящий не делает паузы в ожидании ответа. Данные метакоммуникативные маркеры выполняют инклюзивную роль. Их цель – обеспечить протекание общения в условиях единомыслия.

Нередко говорящий считает нужным усилить эффект высказывания, вводя маркеры типа: я сказал, я говорю, тебе говорят, кому говорят, слышишь?. Как правило, этот вид метакоммуникации сопутствует директивному речевому акту (запрету, приказу, просьбе, предупреждению, угрозе), в результате чего повышается интенсивность побуждения к действию. Например: Сиди тихо, слышишь? Да выходи же ты! Кому говорят, ну!

К метакоммуникативным речевым действиям относится и употребление некоторых характерных для русского диалогического дискурса маркеров вежливости. Речь идет о речевых стереотипах, занимающих инициальную или финальную позицию в вопросительных высказываниях: скажите, объясните, не подскажите, не знаете. Например: Не подскажите, как пройти к ГУМу?; На каком этаже мужская обувь, не знаете?; Скажите, а какой процент предлагаемых вам шуток вы отбраковываете? (интервью с Е. Петросяном).

Если при употреблении метатекстовых маркеров прагматическая функция не всегда является доминирующей, то в случае с метакоммуникативными маркерами

именно она выходит на передний план. Основная цель рассмотренного типа метакоммуникации – увеличить интенсивность иллокутивной силы высказывания и, таким образом, добиться ожидаемого перлокутивного эффекта, т.е. воздействия на слушателя [см. об этих понятиях Остин 1986].

Третий аспект речи, который часто становится объектом комментария со стороны говорящего, – это языковой код. Метаречевую информацию данного типа можно определить как **интерпретативную**, так как она направлена на обеспечение правильной интерпретации определенных единиц языкового кода. Средства передачи такой информации выполняют **метаязыковую функцию**. При ее реализации в наиболее ярком виде проявляется внутренняя диалогичность речи, о которой писал М. Бахтин: “...диалогические отношения возможны и к своему собственному высказыванию в целом, к отдельным его частям или к отдельному слову в нем, если мы как-то отделяем себя от них, говорим с внутренней оговоркой, занимаем дистанцию по отношению к ним...” [Бахтин 1972, 315].

Метаязыковые маркеры представляют собой своего рода инструкции к интерпретации выбранного способа описания денотативной ситуации. Они обслуживают сферу прагматики номинации и в силу этого спаяны с элементами пропозиции более тесно, чем метатекстовые и метакоммуникативные маркеры.

Посредством маркеров несвойственной номинации *прямо(-таки)*, *просто(-таки)*, *буквально* говорящий сигнализирует о своем отказе от более естественной номинации в пользу более эффективной, “яркой”, часто “экстремальной” номинации [Баранов и др. 1993, 160]. Соответственно, позицию комментируемой номинативной единицы могут занимать только наименования, обозначающие максимальную степень признака или интенсивности действия. Например: *Филипп [Киркоров] был просто неотразим*. Своим соотечественникам он подарил настоящий праздник (газета “Москвичка в Болгарии”); *Я ощутила новый прилив сил и просто-таки взрыв энтузиазма* (М. Серова); *Цены на рынке прямо как на дрожжах растут*; *Иногда дети проявляют прямо-таки феноменальную выдержку*. *Разговаривал он неохотно, и каждое слово приходилось из него буквально клещами вытаскивать* (А. Маринина). В высказываниях, содержащих данные маркеры, невозможна замена предиката неэкспрессивным словом: *Отец был прямо шокирован*, но аномально было бы: **Он был прямо удивлен*; *Она буквально падала от усталости*, но: **Она буквально устала*.

Анализируя план содержания маркера *буквально*, устанавливаем случай энантиосемии. Если исходить только из семантики слова, можно сказать, что *буквально* определяет следующую за ним фразу как “точную цитату, слово в слово соответствующую сказанному”. Например: *Цыганка мне сказала буквально следующее: “Берегись этого человека. Он для тебя хуже смерти”*. Если, однако, мы исследуем это слово в его прагматическом метаязыковом употреблении, то оно приобретает противоположный смысл и сигнализирует о неточной формулировке, чаще всего о метафоре или гиперболе. Например: *Все были буквально убиты горем*; *Я эту вазу купил буквально за копейки*.

Важную роль в устном дискурсе играют сигналы, свидетельствующие о колебании в выборе номинации: *так сказать, скажем так, будем говорить, можно говорить*.

В ходе вербальной реализации спонтанной речи нередко имеют место заминки и хезитационные паузы. Маркер *так сказать* – один из наиболее частотных заполнителей канала коммуникации. Вводя его в известной мере бессознательно, автоматически [см. Алексиева 2004, 142], говорящий удерживает речевую инициативу, пока он ищет нужную дискурсивную единицу.

Маркер *можно говорить* передает информацию о том, что выбранная номинация в известной мере условна, что могут существовать и другие варианты дескрипции: *Остался я тогда без работы, можно сказать, на улице* (ТВ интервью).

Колебания в подборе слов могут быть также обусловлены усилиями говорящего соблюдать Принцип вежливости. В таких случаях говорящий прибегает к употреблению метаязыковых оборотов *скажем так* и *будем говорить*, которые сигнализируют о смягченной формулировке в целях избежания резкой критики: *Его родители, скажем так, не очень заинтересованы в образовании сына; Эксперимент был, будем говорить, не совсем успешным*.

В отличие от указанных двух маркеров, метаязыковой оборот *мягко говоря* формирует оценочные высказывания, однозначно интерпретируемые как критические. Эксплицитно информируя адресата о том, что правила вежливого тона заставляют его редуцировать свою оценку, говорящий тем самым недвусмысленно намекает, что более резкая оценка была бы вполне справедлива. Примеры: *Твой отец разговаривал со мной, мягко говоря, не очень вежливо; В учении он, мягко говоря, не преуспел*.

С усилиями говорящего обеспечить беспрепятственное протекание диалога связано употребление маркеров откровенности: *откровенно говоря, честно говоря, если честно, сказать по совести, признаться, право* и др. Вставляя их в качестве предисловия к неприятному утверждению, говорящий как бы производит психологическую подготовку собеседника с целью предотвратить возможный конфликт. Например: *Откровенно говоря, ваше вчерашнее поведение меня несколько озадачило; Если честно, я не очень ему доверяю; Сказать по совести, я никогда не верил в ее способности; Мне, право, неловко об этом напоминать, но я ведь тоже звезда* (А. Маринина). Отправляя критическое замечание в адрес собеседника или третьего лица, говорящий оправдывает свою резкость, ссылаясь на необходимость говорить правду (вспомним одну из максим кооперативного общения: Будь искренен! [Грайс 1985]).

К данной функциональной группе примыкает и маркер *прямо скажем*, информирующий о том, что говорящий выбрал стратегию “разговора без обиняков”: *Российский футбол в последние годы переживает, прямо скажем, не лучшие времена* (ТВ передача “Футбол. Страсти вне игры”).

Важное место среди маркеров, при помощи которых комментируется языковой код, занимают маркеры цитирования.

Маркеры цитирования общепринятой номинации *как говорится, что говорится, как теперь принято говорить*, как правило, вводят фразеологизм, образную метафору или устойчивое словосочетание: *Лично я прыгнул, чтобы проверить себя, как говорится, на прочность* (ТВ интервью); *Мне был дан карт бляши на выбор методов действия. Даже из числа тех, что не предусмотрены законом. Как говорится, с волками жить – по волчьему выть* (М. Серова); *Окончательно бросил курить, что называется, по долгу службы* (газета “Москвичка в Болгарии”); *Но, тем не менее, он, что называется, споткнулся на ровном месте*. Посредством данных маркеров говорящий выделяет употребляемое образное выражение, напоминая адресату, что и сам он, как член русского языкового социума, знаком с его смыслом. Особенно показателен в этом отношении следующий пример: *Сбор данных велся интенсивно, папка с материалами набухла на глазах, но, как говорится, чем дальше в лес, тем... сами знаете* (А. Маринина). Здесь говорящий даже не считает нужным закончить цитируемую поговорку, поскольку он убежден, что первые несколько слов уже вызвали у адресата необходимые ассоциации.

Маркер *как теперь принято говорить* указывает на то, что использованная номинация стала употребляться сравнительно недавно в русском языковом социуме, и

тем самым подчеркивает ее актуальность: *Потом кооператив, как теперь принято говорить, накрылся медным тазом* (А. Маринина).

В случаях, когда говорящий цитирует номинации, не являющиеся общепринятыми для современного русского языкового социума (индивидуальные, групповые, устаревшие или инокультурные номинации), он вводит их стандартными метаязыковыми выражениями открытого типа: *как любила говорить моя бабушка, как говорят в театре, как говорят англичане, говоря языком школьников, если по-старинному* и т.п. Тот факт, что говорящий считает необходимым маркировать “инородные” вкрапления в своей речи, свидетельствует о его стремлении сохранить цельность текста с точки зрения речевого регистра. Отмечая ограниченность сферы функционирования данной специфической номинации, он подчеркивает, что осознает необычность ее употребления в нейтральном тексте, но, тем не менее, считает это употребление целесообразным: *...посмеивались: пижон! – да нет, братцы, не пижон, не щеголь, если по-старинному; ...приговор не был утвержден вышестоящим судом. Не вступил, как говорят юристы, в законную силу* [примеры из Шварцкопф 1988].

Результаты проведенного анализа показывают, что метаречь является многоаспектным языковым объектом, требующим внимательного изучения с позиций лингвистической прагматики. Выявленные нами типы метаречевой информации могут послужить основой для дальнейшего анализа прагматических оснований взаимодействия собственно речевых и метаречевых сегментов дискурса с тем, чтобы получить более полное представление о разнообразии коммуникативных интенций говорящего.

ЛИТЕРАТУРА

Алексиева 2004 – *Алексиева Т.* Явления речевого колебания при порождении спонтанного высказывания. // Доайенът [сборник, посветен на 100-годишнината на проф. Н.М. Дилевски]. С., 2004.

Баранов и др. 1993 - *Баранов А.Н., Плунгян В.А., Рахилина Е.В.* Путеводитель по дискурсивным словам. М., 1993.

Бахтин 1972 – *Бахтин М.А.* Проблемы поэтики Достоевского. М., 1972.

Вежбицка 1978 – *Вежбицка А.* Метатекст в тексте. // Новое в лингвистике. Вып. 8. М., 1978.

Гловинская 2001 – *Гловинская М.Я.* Размышления говорящего о выборе слова: фрагмент металексики. // Слово [сборник, посветен на 70-годишнината на проф. И.Червенкова]. С., 2001.

Грайс 1985 – *Грайс Г. П.* Логика и речевое общение. // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XVI: Лингвистическая прагматика. М., 1985.

Ментальные действия 1993 – Логический анализ языка: Ментальные действия. М., 1993.

Остин 1986 – *Остин Дж. Л.* Слово как действие. // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XVII: Теория речевых актов. М., 1986.

Падучева 1991 – *Падучева Е.В.* Говорящий: субъект речи и субъект сознания. // Логический анализ языка: Культурные концепты. М., 1991.

Почерпцов 1981 – *Почерпцов Г.Г.* Фатическая метакоммуникация. // Семантика и прагматика синтаксических единств. Калинин, 1981.

Проблемы... 1989 – Логический анализ языка: Проблемы интенциональных и прагматических контекстов. М., 1989.

Рябцева 1992 – *Рябцева Н.К.* Мысль как действие, или риторика рассуждения. // Логический анализ языка: Модели действия. М., 1992.

Шварцкопф 1988 – *Шварцкопф Б.С.* Оценки речи как объект лексикографирования. // Словарные категории. М., 1989.

Schiffrin 1980 – *Schiffrin D.* Meta-Talk: Organizational and Evaluative Brackets in Discourse. // *Sociological Inquiry* 50, 1980.